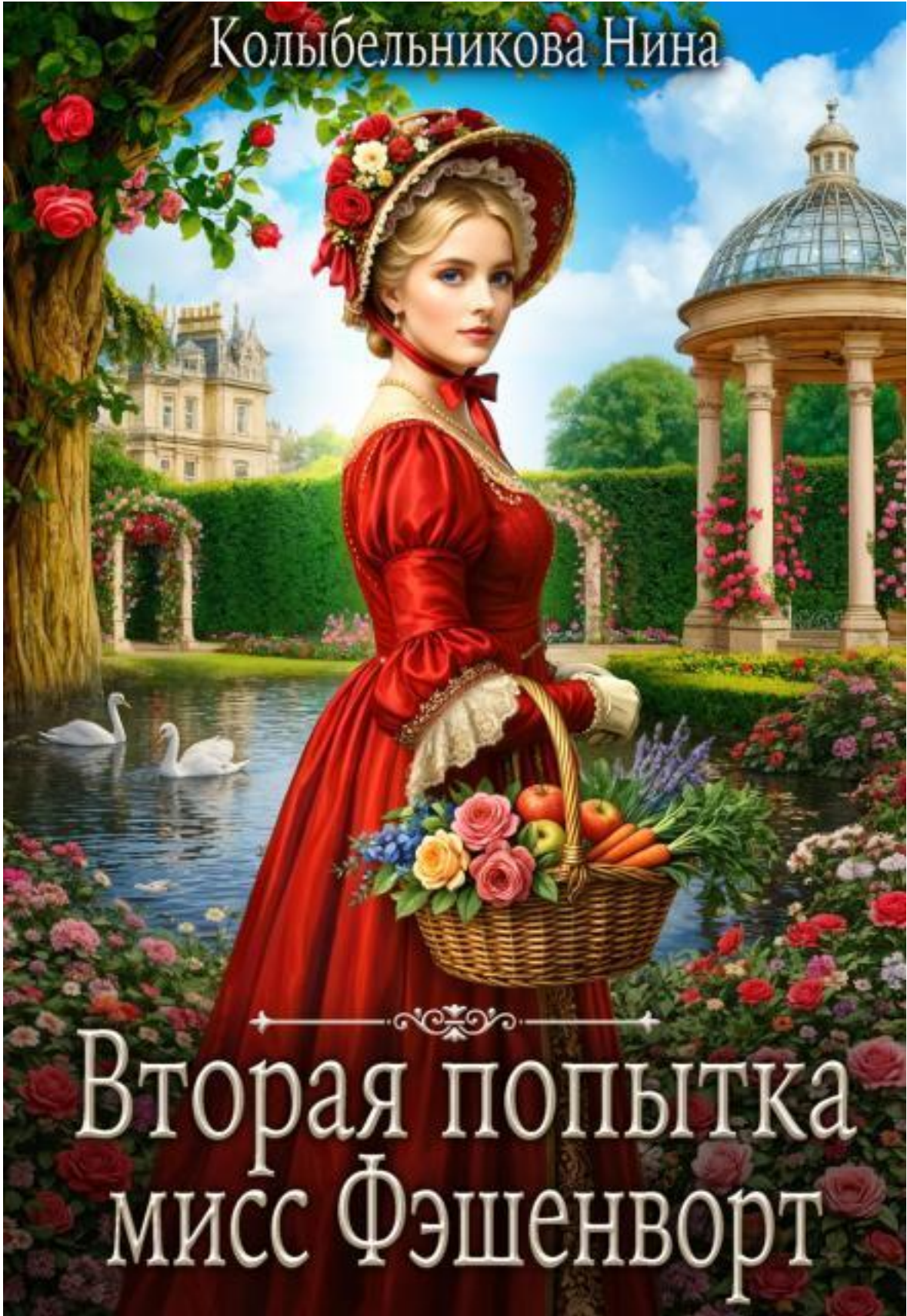

A woman with blonde hair, wearing a red Victorian-style dress with a high collar and a matching bonnet adorned with red and white flowers, stands in a lush garden. She holds a wicker basket filled with various items: pink and yellow roses, blue hydrangeas, red apples, and orange carrots. The garden is filled with colorful flowers, including red and pink roses. In the background, there is a large, ornate building with a glass dome, a smaller domed pavilion, and a pond with two white swans. The sky is blue with white clouds.

Колыбельникова Нина

Вторая попытка
мисс Фэшенворт

Колыбельникова Нина

Вторая попытка мисс Фэшенворт

«Литнет»

2026

Нина К.

Вторая попытка мисс Фэшенворт / К. Нина — «Литнет», 2026

Юная мисс Фэшенворт однажды уже позволила сердцу вести себя, и жестоко за это поплатилась. Пережив предательство, она дала себе твердое обещание: отныне ни одно чувство не должно влиять на ее решения. Лишь разум, лишь холодное благоразумие - вот что станет основой ее будущего. Прошло четыре года. Буря улеглась, боль притупилась, а сама Диана превратилась в сдержанную, рассудительную девушку, достойную уважения и спокойного, выгодного брака. Кажется, прошлое окончательно осталось позади, но с возвращением в округ человека, некогда разбившего ее надежды, и появлением загадочного и проницательного мистера Рандольфа, тщательно выстроенный мир Дианы начинает колебаться.

© Нина К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Утро выдалось необычайно ясным, и сад поместья Фэшенворт казался сегодня особенно приветливым. Легкий ветерок едва касался верхушек старых лип, и солнечные лучи мягко скользили по гравийным дорожкам, по клумбам с поздними розами и по аккуратно подстриженным кустам лавра.

Диана Фэшенворт шла по аллее медленно, почти беззаботно, иногда останавливаясь, чтобы коснуться пальцами раскрытого цветка или взглянуть вдаль, где за живой изгородью начинались луга их владений. В ее походке чувствовалось то тихое оживление, которое бывает у человека, ожидающего счастья и почти уверенного, что оно не заставит себя долго ждать.

Сегодня вечером мистер Джим Толквуд должен был приехать к ним на обед.

Эта мысль сама по себе была приятной, но в последнее время она приобрела для Дианы особенное значение. Впрочем, мистер Толквуд никогда не говорил с ней прямо о том, о чем вся округа, казалось, уже давно сделала свои выводы. Однако его намеки были столь часты и столь очевидны, что даже самая скромная девушка могла бы позволить себе некоторые надежды.

Диана улыбнулась, вспоминая.

Еще прошлой зимой, на балу у леди Хардинг, он почти не отходил от нее весь вечер. Когда объявляли новый танец, он появлялся рядом с такой точностью, словно знал программу заранее. В тот вечер они танцевали трижды — обстоятельство, которое не ускользнуло от внимания ни одной наблюдательной дамы.

А затем начались его визиты.

Сначала — один или два раза в неделю, что было вполне естественно для соседей. Но вскоре мистер Толквуд стал появляться почти ежедневно: то он приезжал с книгой, которую, по его словам, непременно хотел ей показать; то с новостями из города; то просто для того, чтобы справиться о здоровье ее матери.

И всякий раз он говорил с ней с особенной теплотой.

Особенно, как заметила Диана, в присутствии других. Его комплименты были изящны, но достаточно ясны, чтобы дать понять: его внимание направлено исключительно на нее. Иногда он замечал, что ее мнение для него «несравненно важнее всех остальных», иногда уверял, что никогда прежде не встречал столь рассудительной и в то же время столь очаровательной девушки.

Однажды, провожая ее после прогулки, он сказал с улыбкой:

- Мисс Фэшенворт, если бы все сады в Англии обладали столь приятным обществом, я бы навсегда отказался от городских удовольствий.

И хотя слова эти были произнесены легко, в них было нечто такое, от чего сердце Дианы тогда билось быстрее.

Она медленно повернула на другую дорожку сада.

Сегодня... сегодня все казалось особенно значительным. Мистер Толквуд должен был провести вечер с ее родителями за столом, а это обстоятельство редко бывает случайным. Диана всей душой чувствовала, что этот визит может стать началом разговора, который неизбежно должен был состояться.

Она даже представила себе, как отец, серьезный и внимательный к подобным делам, пригласит мистера Толквуда в кабинет после ужина.

И как позже...

Диана остановилась, слегка покраснев от собственных мыслей.

- Мисс Фэшенворт...

Голос, прозвучавший за ее спиной, был тихим, но настолько необычным по тону, что она сразу обернулась.

По дорожке к ней спешила мисс Логслив.

Гувернантка сопровождала Диану с самого детства, и за все эти годы девушка привыкла видеть ее неизменно собранной, спокойной и почти невозмутимой. Однако теперь в ее лице было что-то странное. Она шла быстрее обычного, руки ее были сцеплены, а взгляд постоянно ускользал в сторону.

- Мисс Логслив? - удивилась Диана. - Что случилось?

Гувернантка остановилась перед ней, слегка поклонилась и, по-видимому, собиралась с мыслями.

- Ваша матушка... просит вас пройти в гостиную, мисс. Она желает видеть вас... немедленно.

- Немедленно? - повторила Диана.

- Да, мисс. По весьма важному делу.

Диана внимательно посмотрела на нее.

Мисс Логслив явно избегала ее взгляда - обстоятельство, которое само по себе было столь необычным, что тревога мгновенно коснулась сердца девушки.

- Произошло что-то дурное?

- Я... не смею сказать, мисс, - тихо ответила гувернантка.

И это признание прозвучало еще тревожнее, чем любой ответ.

Диана больше не стала расспрашивать.

Она быстро повернула к дому и поспешила по дорожке, которая вела к террасе. С каждым шагом беспокойство усиливалось. Она не могла припомнить ни одного случая, чтобы миссис Логслив выглядела столь взволнованной.

Что-то случилось.

И, судя по всему, нечто серьезное.

Когда Диана вошла в гостиную, первое, что она заметила, - необычную тишину.

Ее мать сидела на диване. Лицо миссис Фэшенворт было бледным, а в руках она держала конверт, который сжимала так сильно, что пальцы ее почти побелели.

Отец стоял у окна. Руки его были сцеплены за спиной, а губы сжаты в тонкую линию. Он смотрел в сад, но, услышав шаги дочери, медленно обернулся.

Диана остановилась у двери.

Никогда прежде она не видела своих родителей в таком состоянии.

- Сэр... мадам... - тихо произнесла она.

Мистер Фэшенворт сделал несколько шагов к ней.

- Диана, - отец на мгновение замолчал, словно подбирая слова. - Для тебя есть новости, - наконец произнес он. - Боюсь, весьма неожиданные.

Диана медленно подошла ближе и, не зная, чего ожидать, опустилась на диван рядом с матерью. Сердце ее билось быстрее обычного, хотя она еще не могла объяснить себе причины этого внезапного беспокойства.

Миссис Джейн Фэшенворт держалась с той сдержанностью, которая всегда отличала ее в трудные минуты. Однако сейчас ее спокойствие казалось натянутым, почти торжественным, как будто она присутствовала на чьих-то похоронах, где необходимо сохранять достоинство, несмотря на внутреннее смятение.

Она осторожно положила конверт на колени.

- Письмо только что передали, - произнесла она тихо. - Оно от мистера Толквуда... отца мистера Джима Толквуда.

Диана мгновенно побледнела.

- От мистера Толквуда? - повторила она.

Тревога, прежде лишь смутная, теперь захватила ее целиком. Девушка резко поднялась, затем снова опустилась на диван, не находя себе места.

- Что случилось? - быстро спросила она. - С младшим мистером Толквудом все в порядке? Он не болен? С ним не произошло несчастья?

Мысли ее уже устремились к самым ужасным возможностям.

- Он... жив? - выдохнула она почти шепотом.

У окна раздалось недовольное хмыканье.

- О, жив, - сухо заметил мистер Фэшенворт, не оборачиваясь. - И, смею сказать, весьма бодр, к моему огромному сожалению.

Диана ахнула.

- Сэр! Как вы можете говорить такое!

Но мать мягко подняла руку, останавливая ее.

- Позволь, дорогая. Лучше всего будет, если ты услышишь все так, как написано.

Она развернула письмо. Бумага слегка дрогнула в ее пальцах.

- Мистер Толквуд пишет... - начала она.

Голос ее был ровным, но каждая фраза звучала тяжело.

«К глубочайшему моему сожалению, я вынужден сообщить вам обстоятельство, которое повергло мою семью в величайшее смятение. Сегодня рано утром мой сын, Джим Толквуд, тайно обвенчался с мисс Кэтрин Баркли...»

Диана не сразу поняла услышанное. Слова будто не складывались в смысл, а миссис Фэшенворт продолжала читать.

«Этот необдуманный и, смею признаться, крайне опрометчивый поступок был совершен без ведома и согласия нашей семьи. Мы не можем принять данный брак и, вследствие этого, мой сын и его супруга приняли решение разорвать отношения с родными и покинуть округу. Мне известно, что они намерены отправиться в Манчестер, где рассчитывают начать новую жизнь...»

В комнате стало так тихо, что было слышно лишь потрескивание дров в камине.

«Я прошу передать мисс Диане Фэшенворт мои искренние извинения за поведение моего сына. Мне глубоко стыдно, что он позволил себе столь явным образом внушить ей надежду на совместное будущее, не имея на то честных намерений...»

Диана почувствовала, как холод разливается по телу.

«Искренне надеюсь, что это прискорбное обстоятельство не разрушит добрых отношений между нашими семьями...»

Письмо закончено. Миссис Фэшенворт медленно опустила лист.

В ту же секунду Диане показалось, что пол под ногами слегка качнулся. Она ухватилась за край дивана.

Дыхание ее стало быстрым и неровным, а в груди появилось жгучее, почти физическое ощущение боли.

- Нет... - тихо прошептала она. - Это невозможно...

Но мать уже протягивала ей письмо.

Диана взяла его дрожащими руками.

Буквы казались чужими, непонятными. Она снова начала читать, но строчки расплывались, слезы застилали глаза, и слова ускользали, превращаясь в темные пятна.

У окна тем временем раздавался глухой голос ее отца.

- Подлец... - ворчал мистер Фэшенворт. - Настоящий подлец. Обманщик! Каждый день являлся в этот дом, ухаживал, строил из себя благородного джентльмена...

Он резко повернулся.

- Обвел нас всех вокруг пальца!

Диана слышала его лишь вполуха. Она снова и снова пыталась вчитаться в письмо, словно надеясь обнаружить в нем ошибку, но каждое слово подтверждало одно и то же.

Джим Толквуд... женился.

На другой.

Где-то сквозь шум в ушах до нее донеслись слова отца:

- Я только одного не понимаю! Для чего был нужен весь этот спектакль? Если он соби-
рался жениться на этой... как ее... Баркли!

Миссис Фэшенворт медленно сложила руки на коленях.

- Возможно... - осторожно произнесла она, - дело в том, что мисс Кэтрин Баркли жила
неподалеку от нашего имения.

Отец нахмурился.

- И что из этого?

Мать вздохнула.

- Джим часто бывал у нас. Его визиты выглядели вполне естественными. Возможно... он
пользовался этим, чтобы скрывать свои поездки к настоящей даме сердца.

Эти слова прозвучали тихо, но для Дианы они оказались почти невыносимыми.

Она снова опустила глаза на письмо.

Нет...этого просто не может быть. Я не могу поверить, - подумала она.

Глава 2

Имя Кэтрин Баркли, впрочем, вовсе не было неизвестно в некоторых кругах округа, хотя и не вызывало тех чувств, какие обычно сопутствуют громким или блестящим фамилиям. Оно принадлежало роду некогда достойному, но давно утратившему прежнее положение.

Отец Кэтрин, Уильям Баркли был человеком образованным, приятным в обществе и, по словам тех, кто знал его в молодости, наделенным живым умом и добрым характером. К несчастью, он обладал также слабостью, которая в его случае оказалась губительной: страстью к игре.

Эта страсть, столь безобидная на первых порах, постепенно превратилась в привычку, затем - в необходимость, а после и в несчастье, которое не пощадило ни его состояния, ни его душевных сил.

К тому времени, когда маленькой Кэтрин едва исполнилось три года, почти все, чем владела семья, было проиграно. За этим последовали месяцы тревог, долгов и унижений, а вскоре и болезнь, которую доктора осторожно называли нервным расстройством, но которую окружающие понимали гораздо проще: горе и стыд окончательно сломили мистера Баркли.

Он умер спустя несколько месяцев, оставив вдову и маленькую дочь без средств к существованию.

С этого времени жизнь миссис Баркли стала цепью постоянных переездов, осторожных расчетов и тихой борьбы за достоинство.

Она происходила из семьи, где образование и ум ценились не меньше, чем состояние. Ее собственный отец, покойный священник, оставил после себя небольшой ежегодный капитал, который теперь стал единственным надежным источником средств.

Капитал этот был слишком скромнен, чтобы обеспечить спокойную жизнь, но достаточно, чтобы сохранить приличия. Миссис Баркли надеялась устроиться гувернанткой в каком-нибудь порядочном доме. Она обладала знаниями, воспитанием и спокойным нравом, теми качествами, которые обычно ценятся в подобных случаях. Однако у нее была одна трудность, которая всякий раз оказывалась непреодолимой.

У нее был ребенок.

Хозяева домов, где требовалась гувернантка, нередко выслушивали ее с сочувствием, иногда даже с искренним расположением, но почти неизменно приходили к одному и тому же решению: маленькая девочка могла бы создать неудобства.

Так проходили годы.

Мать и дочь жили в съемных комнатах, иногда задерживаясь на несколько месяцев, иногда лишь на несколько недель. Их жизнь отличалась скромностью, но никогда - беспорядком или унынием. Миссис Баркли обладала той редкой стойкостью духа, которая не позволяет ни бедности, ни тревогам разрушить привычку к аккуратности и внутреннему достоинству.

Кэтрин росла в этой атмосфере тихой дисциплины и раннего понимания действительности. Она очень рано поняла то, что многие девушки узнают лишь спустя годы: что судьба ее зависит не от счастливого случая, а от собственных усилий. И потому она старалась.

С тем усердием, которое редко встречается у ребенка, она занималась языками, музыкой, чтением и всем тем, что могло когда-нибудь сделать ее полезной и желанной в хорошем доме.

Миссис Баркли, несмотря на скромность своего положения, не жалела средств на образование дочери. Нередко последние деньги уходили на уроки или книги, но она никогда не позволяла себе сожалеть об этом.

- Знание, - говорила она маленькой Кэтрин, - это единственное приданое, которое я могу тебе дать.

К десяти годам Кэтрин уже свободно изъяснялась на трех языках, пела с удивительной чистотой голоса и могла без затруднения аккомпанировать себе на фортепиано. Ее манеры отличались той естественной грацией, которая появляется не столько благодаря урокам, сколько благодаря наблюдению и уму.

Несмотря на их скромную жизнь, родословная семьи Баркли все еще вызывала уважение у некоторых старых знакомых. В память о покойных родителях мистера Баркли мать и дочь время от времени приглашали на небольшие музыкальные вечера и званые собрания.

Для Кэтрин эти приглашения имели особое значение. Не потому, что она ожидала сделать блестящую партию. Напротив, в ее мыслях почти никогда не возникало подобных надежд.

Она лишь понимала, что каждый такой вечер дает ей возможность показать себя. Она пела. Она играла. Она танцевала с легкостью, которая заставляла улыбаться даже самых строгих наблюдателей. Она могла поддержать разговор о книгах, о музыке, о путешествиях - обо всем, что составляло обычную беседу образованного общества.

И при этом в ее поведении никогда не было ни тени притязания.

Если судьба когда-нибудь позволит ей занять место гувернантки в хорошем доме, - думала она, - эти навыки окажутся полезны.

Этого было достаточно. И именно на одном из таких вечеров произошло событие, которое изменило ее жизнь.

В тот вечер среди гостей оказался молодой человек, чье имя было хорошо известно в округе - мистер Джим Толквуд.

Он прибыл довольно поздно, когда музыка уже звучала, а гости расселись вокруг фортепиано. И потому первое, что он увидел, войдя в гостиную, была молодая девушка у инструмента.

Кэтрин Баркли пела.

Ее голос не был громким, но обладал той ясностью и искренностью, которая заставляет слушателя забыть обо всем постороннем.

Мистер Толквуд остановился у двери, и, как рассказывали позже некоторые наблюдательные дамы, оставался там неподвижно до тех пор, пока песня не закончилась.

Однако тогда никто не придавал этому особенного значения, и все списали на то, что талант Кэтрин не мог остаться незамеченным.

Лишь позднее, когда постыдная новость разлетелась по всей округе, люди стали вспоминать тот вечер с необычайной внимательностью. Каждая дама, каждый джентльмен внезапно обнаруживали в памяти новые подробности, которых прежде никто не замечал.

Беседы о случившемся возникали повсюду - за чайными столами, во время прогулок, в гостиных и даже на церковных крыльцах после воскресной службы.

И в каждом подобном разговоре непременно звучала одна и та же мысль.

«Как ловко мистер Джим Толквуд все провернул».

Джим Толквуд происходил из семьи, имя которой в округе произносилось с неизменным уважением. Толквуды владели значительными землями, их дом считался одним из самых старых и почтенных в графстве, а глава семьи отличался строгими принципами и безупречной репутацией. Единственный сын, разумеется, получил воспитание, достойное своего положения.

С юных лет Джим проявлял те качества, которые особенно ценятся в молодом джентльмене: живой ум, здравое рассуждение и редкое для его возраста чувство меры. Учителя отзывались о нем с одобрением, знакомые родителей - с надеждой, а дамы - с явным расположением.

Получив блестящее образование, он, как это нередко случается с молодыми людьми его круга, пожелал увидеть мир. И едва только возраст позволил ему распоряжаться своей свободой, он отправился в путешествие по Европе.

На родине его не было чуть больше пяти лет. Когда же он наконец вернулся, многие с удивлением отметили перемену, произошедшую в нем.

Юноша, которого прежде знали в округе, стал взрослым человеком. Он приобрел ту уверенность в поведении, которая появляется лишь после долгого общения с разными людьми и странами. Его манеры стали еще изящнее, речь свободнее, а взгляд спокойнее и внимательнее.

Но главным, что неизменно замечали все, кто встречался с ним, оставалось другое. Превосходно сложенная фигура, открытое лицо, благородная осанка, легкость в обращении и живое, но никогда не переходящее границ чувство юмора. Он умел говорить так, что собеседник чувствовал себя особенно интересным, и умел слушать так, что любой начинал доверять ему больше, чем следовало бы.

И потому неудивительно, что в обществе его появление всегда вызывало оживление. В тот вечер, когда он впервые увидел Кэтрин Баркли, никто не заметил за ним ничего необычного. Напротив, мистер Толквуд вел себя так, как вел бы себя любой воспитанный молодой человек на подобном собрании. Он танцевал с несколькими дамами, оживленно беседовал с пожилыми господами, расспрашивал хозяев о музыке и проявлял внимание ко всем присутствующим. Если он и посмотрел на мисс Баркли чуть дольше, чем на других, то этого никто не заметил. И уж тем более никто не мог тогда предположить, что именно с того вечера началась история, которая вскоре станет предметом разговоров всей округи.

Уже потом выяснилось, что между мистером Толквудом и мисс Баркли завязалась переписка. Сначала редкая, затем более частая. Письма передавались осторожно, через посредников, иногда через знакомых, иногда через тех, кто и сам не подозревал, какую услугу оказывает, но чаще всего через обычную почту.

Позже появились и тайные свидания. Они происходили редко и всегда с величайшей осторожностью. В садах знакомых домов, на прогулках или во время тех вечеров, когда присутствие Кэтрин в обществе выглядело вполне естественным.

Однако мистер Толквуд, как оказалось, позаботился и о том, чтобы ни у кого не возникло подозрений. Он начал ухаживать за мисс Дианой Фэшнворт. Его визиты в дом ее родителей становились все более частыми, его внимание - все более заметным, а поведение столь безупречным, что ни у кого не возникало сомнений в серьезности его намерений.

И потому, когда теперь люди вспоминали все это, их удивление смешивалось с невольным восхищением той холодной предусмотрительностью, с которой молодой человек сумел скрыть правду.

Никто, однако, так и не мог понять, на что именно он рассчитывал. Вероятно, он надеялся, что после тайного венчания родители смирятся и, в конце концов, примут мисс Баркли в семью, но этого не произошло.

И больше всех в этой истории страдала та, кто меньше всего был в ней виноват.

Диана все еще стояла в гостиной, сжимая письмо в руках. Слова, написанные чужой рукой, словно жгли ее пальцы. Каждая строка подтверждала одно и то же, и все же ей казалось, что если перечитать письмо еще раз, то в нем обнаружится какая-нибудь ошибка, недоразумение, невозможное, но спасительное. Однако ничего подобного не происходило.

Она почувствовала, что больше не может оставаться в комнате. Почти не глядя на родителей, которые все еще горячо обсуждали случившееся, она поспешила из гостиной и поднялась к себе. В своей комнате Диана долго ходила взад и вперед. Мысли ее были беспорядочны и мучительны. То ей казалось, что все это нелепое недоразумение, которое можно объяснить одним разговором. То, напротив, она чувствовала такую обиду, что сердце ее наполнялось горькой решимостью. Наконец одна мысль стала яснее остальных.

Ей нужно поговорить. С Джимом, или с Кэтрин. С кем угодно из них, лишь бы услышать правду не из чужого письма, а из их собственных уст.

А если они только собираются уехать... если они еще не покинули округу... Возможно, она успеет их найти. Дом мисс Баркли находился не так далеко. Если поспешить, можно добраться туда за четверть часа.

Придя к этому решению, Диана почувствовала странное облегчение, словно сама возможность действия уже возвращала ей часть утраченного спокойствия. Родители все еще разговаривали в гостиной, это означало, что она может выйти незаметно.

Она накинула легкую накидку, крепче сжала письмо и тихо подошла к двери спальни, но едва она открыла ее, как остановилась, перед дверью стояла гувернантка. Мисс Логслив, как всегда, была безукоризненно собрана: прямая осанка, аккуратно сложенные руки, спокойное лицо. Но в ее взгляде читалось то мягкое сочувствие, которое невозможно скрыть. Она знала свою воспитанницу слишком хорошо, и Диана почувствовала, как надежда, едва появившись, начинает исчезать.

- Мисс Логслив... - прошептала она, - пожалуйста... мне нужно выйти... совсем ненадолго... - Голос Дианы дрогнул. - Я должна поговорить с ними. Вы не понимаете... я просто обязана...

Она сделала шаг вперед, почти умоляя.

- Прошу вас... не говорите родителям... я вернусь очень скоро...

Но гувернантка лишь покачала головой. В ее взгляде не было строгости — только тихая печаль.

- Нет, Диана, - мягко сказала она, и после короткой паузы добавила: - Я не дам тебе посрамить свою честь еще больше.

Эти слова были произнесены с такой грустью, что сопротивляться им оказалось невозможно, Диана медленно опустила руки, в этот момент она ясно поняла: все действительно потеряно.

Глава 3

Четыре года спустя.

Время, которое в иных обстоятельствах показалось бы недолгим, для мисс Дианы Фэшенворт стало целой эпохой. События того утра, когда письмо мистера Толквуда впервые прозвучало в гостиной их дома, теперь вспоминались реже и уже не сопровождались тем болезненным волнением, которое прежде делало невозможным даже одно упоминание о нем.

Округ, как это свойственно всякому обществу, давно нашел для себя новые темы для разговоров. Люди, некогда горячо обсуждавшие бегство мистера Джима Толквуда и его тайное венчание, теперь вспоминали эту историю лишь изредка, и чаще с тем легким любопытством, которое сопровождает уже почти забытые скандалы.

Однако в доме Фэшенвортов последствия тех событий оставили след, хотя и не тот, какого многие ожидали.

Мисс Диана Фэшенворт изменилась.

В прежние годы ее знали как девушку живую, впечатлительную и весьма склонную доверять людям. Она обладала мягким характером и тем добродушием, которое заставляет легко прощать чужие слабости.

Теперь же в ее поведении появилась новая черта - сдержанность. Она стала говорить меньше, но каждое ее слово звучало обдуманно. Ее улыбка по-прежнему была приятной, но в ней появилась легкая отстраненность, которая делала ее выражение более серьезным и даже несколько холодным.

Те, кто видел ее редко, говорили, что мисс Фэшенворт стала гораздо красивее. Те же, кто наблюдал ее ежедневно, замечали прежде всего перемену в характере. И, что удивительно, родители Дианы были этими переменами вполне довольны.

Миссис Фэшенворт за последние годы стала заметно слабее здоровьем. Частые недомогания заставляли ее все реже принимать участие в хозяйственных заботах, которые прежде занимали значительную часть ее времени. И именно тогда Диана почти незаметно взяла на себя обязанности матери.

Вскоре стало совершенно естественным, что без совета мисс Фэшенворт на кухне не составляли меню на обед. Слуги приходили к ней за распоряжениями так же спокойно, как прежде обращались к хозяйке дома. Она внимательно следила за садом, выбирая, какие клумбы следует обновить, какие деревья нуждаются в обрезке, а какие дорожки - в ремонте. Даже перестановка мебели в доме происходила лишь с ее позволения. Если мисс Фэшенворт считала, что кресло должно стоять у другого окна, то через час оно уже находилось именно там. При этом она управляла всем с такой спокойной разумностью, что никто не ощущал в ее распоряжениях ни строгости, ни тяжести. Слуги уважали ее. Родители – гордились, а соседи нередко замечали, что из молодой девушки, едва вступившей в свет, мисс Фэшенворт превратилась в настоящую хозяйку большого дома.

Ее дни теперь имели почти неизменный порядок. По утрам она занималась домашними делами: принимала отчеты экономки, просматривала счета, обсуждала с садовником планы на ближайшие недели. После полудня она обычно отправлялась на прогулку. Эти прогулки почти всегда происходили в сопровождении мисс Логслив, которая, несмотря на прошедшие годы, по-прежнему оставалась в доме Фэшенвортов. Их отношения давно перестали быть отношениями наставницы и воспитанницы, теперь в них было гораздо больше дружбы и тихого взаимного уважения.

Они навещали бедные семьи в окрестностях, приносили лекарства, книги или небольшие подарки для детей. Иногда они посещали приют, где Диана принимала живое участие в устройстве уроков для девочек. Многие в округе говорили, что мисс Фэшенворт обладает

необыкновенным чувством долга. Однако ближе к вечеру ее жизнь приобретала совершенно иной характер. Диана вновь стала появляться в обществе. Она принимала приглашения на званые обеды, с удовольствием посещала музыкальные вечера и нередко сама принимала гостей в доме родителей.

Там, где прежде она казалась несколько застенчивой, теперь она держалась с уверенной легкостью. Она умела поддержать разговор, выслушать собеседника, сказать остроумное замечание, и при этом никогда не переходила границы той сдержанности, которая придавала ее поведению особую элегантность.

Многие молодые люди обращали на нее внимание. И немудрено. К двадцати трем годам мисс Диана Фэшенворт считалась одной из самых завидных невест в округе. Ее положение, воспитание и состояние делали ее партией, о которой могли мечтать весьма достойные джентльмены. Говорили, что ее приданое превышает тридцать тысяч фунтов, но не только это привлекало к ней внимание. В ее облике теперь была та спокойная уверенность, которая иногда появляется у людей, переживших испытания и научившихся скрывать свои чувства.

Казалось, от прежней истории не осталось ничего. Ни воспоминаний. Ни сожалений. Ни боли.

И если иногда во время тихих вечерних прогулок мисс Логслив замечала, как взгляд Дианы на мгновение становится задумчивым, она никогда не задавала вопросов, потому что понимала одну простую вещь. Некоторые события не исчезают из жизни человека. Они лишь становятся частью его характера.

Одним ясным утром, когда весна уже начала уверенно вступать в свои права, в дом Фэшенвортов доставили приглашение на званый обед. Письмо оказалось от семьи Лэнгли, давних друзей мистера и миссис Фэшенворт.

Эти две семьи знали друг друга уже много лет. Главы домов встречались довольно регулярно, чтобы провести вечер за карточным столом, где, по мнению мистера Фэшенворта, мистер Лэнгли отличался весьма сомнительной осторожностью в ставках, но зато неизменно превосходным настроением.

Матери семейств, в свою очередь, предпочитали более спокойные удовольствия: долгие беседы за чашкой чая, в которых обсуждалось все, что только могло представлять интерес для благовоспитанного общества, от новых мод до последних событий в округе.

У семьи Лэнгли была дочь, мисс Франческа Лэнгли, девушка на два года моложе Дианы. И хотя между их семьями царили самые дружеские отношения, нельзя было сказать, что между самими девушками возникло подобное расположение.

Диана, обладавшая спокойным и рассудительным характером, не раз пыталась найти общий язык с мисс Лэнгли. Однако все ее попытки оставались без особого успеха. Франческа была жива, остроумна и весьма самолюбива. Она любила быть в центре внимания и с некоторой настойчивостью стремилась доказать свое превосходство - будь то в танцах, в игре на фортепиано или даже в искусстве вести разговор.

Со временем между девушками возникло нечто вроде тихого соперничества. Впрочем, Диана относилась к этому с удивительным спокойствием. Она не испытывала ни раздражения, ни обиды. Скорее, она воспринимала это как своеобразное развлечение, легкое оживление в той размеренной жизни, которую вела последние годы, и потому приглашение Лэнгли она приняла без колебаний.

К назначенному часу у дома Фэшенвортов уже ожидала карета. Слуги помогли миссис Фэшенворт устроиться поудобнее, мистер Фэшенворт занял свое место напротив, а Диана села рядом с матерью. Лошади тронулись, и карета мягко покатила по знакомой дороге, ведущей к имению Лэнгли.

Некоторое время в экипаже царило спокойное молчание. Миссис Фэшенворт, однако, вскоре проявила ту живость любопытства, которая всегда отличала ее в делах, касающихся будущего дочери. Она достала из своей сумочки небольшой аккуратный блокнот.

- Диана, дорогая, - произнесла она с тем видом, который предвещал серьезный разговор, - я решила воспользоваться дорогой, чтобы обсудить с тобой один вопрос.

Диана слегка улыбнулась.

- Я догадываюсь какой, мама.

- Тем лучше, - удовлетворенно ответила миссис Фэшенворт, раскрывая блокнот. - Итак... начнем с мистера Харвуда. - Она подняла взгляд на дочь. - Его семья весьма уважаема, состояние около двадцати тысяч. Он оказывает тебе довольно явное внимание.

Диана ответила спокойно:

- Именно состояние, мама, и заставляет меня сомневаться.

- Как так?

- Его собственное положение весьма скромно. Боюсь, его интерес направлен скорее на мои тридцать тысяч, чем на мою особу.

Миссис Фэшенворт задумчиво кивнула и сделала в блокноте небольшую пометку.

- Хорошо. Тогда мистер Бентли.

- Прекрасные манеры, - сказала Диана, - но слишком легкий характер. Мне кажется, он способен увлечься любой дамой, которая окажется рядом.

- Верно... - пробормотала мать, переворачивая страницу. - Мистер Ремольф?

Диана на мгновение задумалась.

- Умный человек, но слишком любит говорить о себе. Боюсь, в браке это может оказаться утомительным.

Мистер Фэшенворт тихо рассмеялся. Все это время он молчал, но с любопытством наблюдал за разговором супруги и дочери.

- Ты становишься очень требовательной, моя дорогая.

- Лишь осторожной, - ответила ему Диана.

И в этих словах не было ни тени кокетства, ни тщеславия. Диана действительно решила отбросить в сторону чувства и подойти к выбору спутника по жизни благоразумно.

Разговор продолжался еще некоторое время. Миссис Фэшенворт перечисляла фамилии, а Диана спокойно и рассудительно объясняла свои решения. Кого-то она исключала из-за недостаточного состояния. И делала это без малейшего колебания, вполне уверенная, что внимание таких джентльменов вызвано скорее ее приданым, чем искренними чувствами.

Кого-то она отвергала из-за характера. Кого-то - из-за слишком поверхностных манер. Иногда, впрочем, она позволяла себе сказать:

- Этого господина я готова рассмотреть внимательнее.

И миссис Фэшенворт делала в своем блокноте пометку. Каждый раз подобный ответ вызывал у нее явное удовлетворение. Больше всего ее радовало не то, что у дочери имеются поклонники, а то, с каким хладнокровием она теперь рассуждает.

Без поспешности. Без лишних эмоций. С тем благоразумием, которое делает выбор по настоящему разумным.

Именно в тот момент, когда миссис Фэшенворт собиралась перейти к следующему имени в списке, карета замедлила ход и через мгновение она остановилась.

- Мы прибыли, - произнес мистер Фэшенворт, выглянув в окно.

Перед ними уже возвышался дом Лэнгли, окруженный аккуратным садом и оживленный движением слуг, готовящихся к приему гостей. Разговор о кандидатах в мужья естественным образом прервался. Миссис Фэшенворт закрыла свой блокнот и спрятала его в сумочку. Диана же, поправив перчатки и на мгновение взглянув на дом перед собой, приготовилась к тому вечеру, который, как она полагала, не должен был принести ничего неожиданного.

Глава 4

Диана поняла, как сильно она ошибалась, уже в ту минуту, когда их карета остановилась у дома Лэнгли.

Едва она вышла из экипажа и поднялась по ступеням, как сразу заметила непривычное оживление. Ко входу стали подъезжать экипажи соседей, которых она обычно видела лишь на крупных собраниях, либо в церкви. В прихожей сустились слуги, принимая накидки и перчатки гостей, а из гостиной доносился шум оживленных разговоров.

Для обычного званого обеда все это выглядело слишком многолюдно.

Диана обменялась быстрым взглядом с матерью.

- Кажется, у миссис Лэнгли сегодня особенно широкое гостеприимство, - тихо заметила она.

Миссис Фэшенворт лишь слегка улыбнулась.

- Или особенно важная новость.

И Диана тотчас поняла, что мать, вероятно, права. В небольших округах подобные собрания редко устраиваются без причины. Когда в одном доме внезапно собирается половина соседей, это почти всегда означает, что кто-то планирует сообщить нечто достойное общего внимания. А миссис Лэнгли, как было известно всем, обладала редкой способностью оказываться в центре подобных событий.

Впрочем, в первые минуты все происходило самым обыкновенным образом. Гости приветствовали друг друга, обменивались любезностями и рассаживались небольшими группами по комнате. Слуги вскоре подали легкие закуски и чай, что несколько успокоило общий шум и придало беседе более приятный характер. Миссис Лэнгли, сиявшая от удовольствия, с видимым вниманием переходила от одного круга гостей к другому, словно заботясь о том, чтобы никто не чувствовал себя забытым. Спустя некоторое время она обратилась к дочери.

- Франческа, моя дорогая, может быть, ты сыграешь для наших гостей?

Просьба эта была произнесена с таким видом, будто могла встретить отказ, хотя никто из присутствующих не сомневался в обратном. Франческа Лэнгли любила музыку, но еще больше она любила внимание.

Она поднялась с места с тем оживленным выражением, которое ясно говорило, что предложение доставило ей удовольствие, а через несколько мгновений она уже сидела у рояля.

Диана наблюдала за ней спокойно. Франческа действительно играла хорошо. Ее пальцы уверенно скользили по клавишам, а голос звучал звонко и ясно. Гости слушали с одобрением, и после окончания пьесы раздалось вполне искреннее аплодирование.

Франческа приняла его с той легкой грацией, которая, как полагала она сама, должна была казаться скромностью. После этого всех пригласили к столу.

Обед был устроен с тем изяществом, которое всегда отличало дом Лэнгли. Блюда сменяли друг друга, разговоры текли легко и непринужденно, касаясь погоды, последних новостей из города и мелких событий соседской жизни. Однако Диана все это время ощущала легкое ожидание. Она была почти уверена, что сегодняшней вечер имеет определенную цель, и потому внимательно наблюдала за хозяйкой дома.

Миссис Лэнгли, как оказалось, не собиралась долго томить своих гостей. Когда один из слуг убрал очередное блюдо и разговор за столом на мгновение стих, она слегка наклонилась вперед и с тем выражением приятного волнения, которое всегда сопровождало ее самые интересные сообщения, произнесла:

- Дорогие друзья, должна признаться, что сегодняшним утром мне посчастливилось узнать новость, которая, полагаю, заинтересует всех присутствующих.

Эти слова мгновенно привлекли общее внимание.

- Как вы знаете, - продолжала она, - я имею обыкновение прогуливаться по утрам в наших окрестностях. Сегодня со мной была и Франческа. И вот на одной из дорожек мы встретили миссис Мэдисон.

Имя это произвело заметное впечатление. Миссис Мэдисон была довольно обеспеченной вдовой, проживавшей в своем доме на окраине округа. Она редко появлялась в обществе, но ее состояние и возраст неизменно вызывали уважительное внимание соседей.

- Бедная женщина, - продолжала миссис Лэнгли с сочувствием. - Она призналась мне, что в последнее время ее здоровье заметно пошатнулось.

Несколько дам за столом тихо выразили сожаление.

- И потому, - добавила она, делая короткую паузу, - она решила пригласить к себе своего племянника, чтобы он приехал и помог ей в ее нынешнем положении.

Теперь все слушали уже с явным интересом.

- Его зовут мистер Даррен Рандольф.

В ту же секунду за столом возникло легкое оживление. Диана заметила, как несколько дам обменялись быстрыми взглядами, а некоторые из молодых девушек слегка выпрямились, словно стараясь не пропустить ни одного слова.

Имя это было известно, хотя почти исключительно по разговорам. О мистере Даррене Рандольфе в округе знали лишь то, что он был сыном младшей сестры миссис Мэдисон и что за все это время ни разу не появлялся в их графстве. Сведения о нем были редки, но, как это обычно бывает, слухи существовали в изобилии. Диана слышала о нем лишь вскользь, поэтому, заметив оживление за столом, она невольно задумалась.

Если миссис Мэдисон действительно призвала его к себе, это могло означать только одно. Пожилая вдова, по всей вероятности, чувствует себя гораздо хуже, чем готова признать в разговоре.

Новость, произнесенная миссис Лэнгли, словно легкий ветерок, прошла по всей комнате, заставив разговоры разрастись и переплестись. Каждый из присутствующих счел своим долгом высказать мнение о человеке, которого никто из них, по правде сказать, никогда не видел.

Мужчины, сидевшие ближе к мистеру Фэшенворту, первыми выразили свое недовольство.

- Если позволите, - заметил мистер Флангорт, отложив нож и вилку, - любимый племянник мог бы навестить свою тетушку и раньше. Совсем не обязательно ждать того момента, когда речь пойдет о наследстве.

Несколько джентльменов одобрительно кивнули.

- Совершенно верно, - добавил другой. - Удивительная забота о родственнице, которая появляется только тогда, когда здоровье ее внезапно ухудшается.

Однако дамы, как это нередко случается, оказались настроены куда мягче.

- Мы не знаем всех обстоятельств, - возразила одна из них. - У молодого человека, вероятно, множество дел.

- Именно так, - поддержала ее другая. - Насколько мне известно, мистер Рандольф является единственным наследником состояния сразу двух семей. Представьте себе, сколько обязанностей может лежать на нем.

- И кроме того, - добавила миссис Лэнгли с видом человека, стремящегося к справедливости, - его дом находится довольно далеко отсюда.

Так между гостями завязался легкий спор, тот самый дружеский обмен мнениями, который редко приводит к согласию, но всегда оживляет беседу.

Диана в это время почти не принимала участия в разговоре. Она слушала лишь вполуха, больше наблюдая за присутствующими. Эта привычка, замечать выражения лиц, интонации и мелкие перемены в поведении людей, появилась у нее в последние годы и теперь помогала понимать гораздо больше, чем открыто произносилось вслух.

Ее взгляд спокойно переходил от одного лица к другому. Пока, наконец, не остановился на мисс Франческе Лэнгли.

Щеки юной хозяйки дома заметно порозовели, а в ее глазах появилось то особенное выражение, которое редко ускользает от внимательного наблюдателя. Франческа старалась выглядеть равнодушной, но ее смущенная улыбка и слишком внимательное отношение к каждому слову о мистере Рандольфе говорили сами за себя.

Диана едва заметно улыбнулась. По ее мнению, это объясняло многое. Юная Франческа, по всей вероятности, уже успела представить себе мистера Даррена Рандольфа в самом романтическом свете.

И, надо признать, подобная мысль была вполне естественной. Молодой человек, единственный наследник огромного состояния, внезапно появляющийся в округе, редко остается без внимания.

Обед вскоре подошел к концу. По старой традиции мужчины вскоре удалились в соседнюю комнату, где их ожидали карты и более свободный разговор. Дамы же переместились в гостиную.

Комната постепенно наполнилась тихим шумом бесед. Кто-то обсуждал последние моды, кто-то продолжал разговор о мистере Рандольфе, а кто-то просто наслаждался спокойствием после долгого обеда.

Диана подошла к фортепиано. Она не собиралась выступать так же торжественно, как Франческа раньше. Ей хотелось лишь занять руки и позволить разговору течь вокруг нее, поэтому она начала играть легкую, незатейливую мелодию. Пальцы ее двигались по клавишам спокойно и уверенно, а сама она тем временем прислушивалась к беседам, доносившимся из разных уголков комнаты.

Иногда музыка позволяет услышать гораздо больше, чем молчание.

Она настолько увлеклась этим тихим наблюдением, что даже не заметила, как к ближайшей группе дам подседа новая гостья. Это была миссис Толквуд.

Когда ее голос впервые донесся до Дианы, она уже рассказывала что-то с выражением глубокого сожаления.

- Боюсь, у меня весьма печальная новость... - произнесла она.

Несколько женщин мгновенно повернулись к ней.

- Мне стало известно, что...ох, бедная Кэтрин... скончалась во время родов.

Музыка на мгновение стала тише. Диана не остановилась, но ее руки замедлили движение.

- И ребенок... - тихо продолжила миссис Толквуд. - Увы, тоже не выжил.

В комнате раздались тихие вздохи сочувствия.

- Бедный Джим совершенно подавлен, - добавила она. - Но, должна сказать, наша семья постаралась поступить как можно благороднее.

Она слегка выпрямилась.

- Мы предложили ему вернуться домой.

- Разумеется, - произнесла одна из дам.

- В конце концов, он наш единственный сын, - продолжала миссис Толквуд. - И сейчас ему как никогда нужна поддержка семьи.

Она сделала короткую паузу, словно позволяя слушательницам осмыслить услышанное.

- Поэтому могу сообщить вам... - сказала она наконец. - Джим возвращается.

Мелодия же под пальцами Дианы закончилась тихим аккордом.

Глава 5

Новость, произнесенная миссис Толквуд, произвела на гостиную именно то впечатление, которого можно было ожидать.

Дамы заговорили тише, в их голосах появилось искреннее сочувствие, а некоторые даже поспешили вспомнить те редкие случаи, когда им доводилось видеть миссис Кэтрин Толквуд, бывшую мисс Баркли. Хотя, по правде сказать, таких воспоминаний оказалось совсем немного.

Диана тем временем сидела у фортепиано. Последний аккорд ее мелодии давно затих, но она все еще держала руки на клавишах, словно размышляя, стоит ли начать новую пьесу.

Со стороны ее можно было принять за совершенно спокойную. Ее лицо оставалось тем же, каким его привыкли видеть в обществе: собранным, мягко внимательным, почти безмятежным. Ни одно слово, произнесенное миссис Толквуд, не вызвало у нее заметной перемены. Лишь если бы кто-то наблюдал за ней особенно внимательно, мог бы заметить одну деталь.

Ее руки слегка дрожали.

Не сильно. Настолько, что это едва ли могло привлечь внимание постороннего. Но сама Диана это почувствовала. Она медленно опустила руки на колени. В душе ее поднималось странное и не совсем приятное чувство - не столь сильное, чтобы причинить боль, но достаточно заметное, чтобы заставить ее прислушаться к себе.

С одной стороны, она испытывала искреннюю жалость. Кэтрин Баркли, несмотря на всю прежнюю историю, никогда не была ее врагом. В те годы, когда слухи и обиды еще витали в воздухе, Диана иногда ловила себя на мысли, что больше сердится на обстоятельства, чем на саму девушку.

Теперь же все это казалось еще более далеким. Мысль о молодой женщине, умершей во время родов, не могла не вызывать сострадания.

И Джим...

Диана медленно вздохнула. Обиды, некогда казавшиеся столь тяжелыми, действительно давно растворились во времени. За последние годы их семьи, как и следовало ожидать от людей их положения, продолжали поддерживать самые корректные отношения.

При встречах обменивались вежливыми словами, интересовались здоровьем, иногда даже навещали друг друга. Правила хорошего тона, как справедливо заметила однажды миссис Логслив, обладают удивительной способностью сглаживать самые неприятные воспоминания.

И все же, имя Джима Толквуда когда-то означало для Дианы гораздо больше, чем просто фамилия соседского джентльмена.

Она на мгновение задумалась, и вдруг ясно поняла одну вещь. Ревности она больше не испытывает. Это открытие оказалось почти неожиданным. Когда-то одно лишь упоминание его имени могло заставить ее сердце биться быстрее, а мысли путаться. Теперь же она ощущала лишь тихую печаль и спокойное сочувствие.

Новость, безусловно, была неожиданной. Но того прежнего трепета, той болезненной тревоги, которая прежде сопровождала каждое воспоминание о мистере Толквуде, больше не существовало.

Эта глава ее жизни закончилась. И, как это иногда бывает, закончилась гораздо тише, чем начиналась.

Когда вечер подошел к концу и семья Фэшенвортов покинула дом Лэнгли, уже заметно стемнело. Карета мягко покатила по дороге, освещенной редкими фонарями и бледным светом луны. Некоторое время в экипаже царило молчание. Миссис Фэшенворт, однако, была слишком внимательной матерью, чтобы не заметить перемену в настроении дочери. Она наблюдала за Дианой почти всю дорогу, и наконец не выдержала.

- Моя дорогая, - мягко произнесла она, - скажи мне честно... все ли у тебя хорошо?

Вопрос был задан осторожно, но в нем чувствовалась искренняя тревога. Диана повернулась к матери. На ее лице появилась спокойная улыбка, не та светская, которую она часто дарила знакомым, а настоящая, тихая.

- Да, мама, - ответила она, и после короткой паузы добавила: - Лучше не бывает.

Миссис Фэшенворт внимательно посмотрела на нее. И, к своему собственному удивлению, почувствовала, что дочь говорит правду.

Следующее утро выдалось ясным и удивительно тихим.

Накануне, еще за обедом у миссис Лэнгли, несколько соседских семейств договорились вновь увидеться. Причиной этого неожиданного решения послужило заявление мистера Карстэrsa, которое он сделал с таким видом таинственного удовлетворения, что не могло не вызвать всеобщего любопытства.

Он сообщил, что совершил весьма необычное приобретение.

- И притом, - добавил он с заметной гордостью, - приобрел его у цыган.

Эти слова произвели двойственное впечатление. Мужчины, хотя и подняли брови, отнеслись к этому с любопытством. Некоторые даже начали задавать вопросы о цене и происхождении покупки. Женщины же, напротив, встретили известие с явным беспокойством. Само слово «цыгане» в их воображении вызывало множество мрачных предположений: от сомнительных сделок до таинственных предметов, о которых лучше было вовсе не спрашивать.

- Надеюсь, вы не приобрели ничего... опасного? - осторожно поинтересовалась одна из дам.

Мистер Карстэрс лишь рассмеялся.

- Уверяю вас, миссис Картер, - сказал он, - когда вы увидите мою покупку, вы сами признаете, что я вовсе не прогадал.

Его уверенность была столь непоколебимой, что в конце концов все согласились: на следующий день следует собраться у него дома и взглянуть на загадочное приобретение собственными глазами.

И потому наутро семья Фэшенвортов отправилась к дому мистера Карстэrsa.

Поскольку его имение находилось всего в полумиле от их собственного, было решено не прибегать к карете, а совершить приятную пешую прогулку. Весенний воздух был свеж и прозрачен. Дорога шла между аккуратными изгородями и зелеными лугами, на которых уже появлялись первые цветы.

Миссис Фэшенворт, как всегда, воспользовалась этой прогулкой для обсуждения домашних дел.

- Я все еще думаю, - говорила она, обращаясь к мужу, - что в западной части сада следует посадить новые кусты роз. Старые уже не так хороши, как прежде.

- Возможно, - отвечал мистер Фэшенворт, - но садовник уверял меня, что они вполне могут простоять еще сезон. Вернее, так его уверяла Диана...

Разговор их спокойно переходил от одной хозяйственной темы к другой: от состояния ограды до будущего ремонта в конюшнях.

Диана все это время шла рядом и подозрительно не вмешивалась. И пусть, в последнее время хозяйственной частью дома занималась она, Диана почти не участвовала в беседе.

Ее мысли вновь возвращались к вчерашним новостям. Слова миссис Толквуд, произнесенные в гостиной у Лэнгли, снова и снова возникали в ее памяти. Она не ощущала той боли, которая могла бы омрачить ее настроение, но все же какое-то тихое беспокойство не давало ей полностью отвлечься.

Смерть Кэтрин. Возвращение Джима. Эти два события, столь неожиданных и столь связанных с ее прошлым, не могли исчезнуть из мыслей так быстро. Она даже не заметила, как дорога подошла к концу. Лишь голос отца, произнесший:

- А вот и дом Карстэrsa...

Заставил ее поднять голову. Имение мистера Карстэrsa уже показалось впереди. Сам хозяин дома, как и подобает гостеприимному джентльмену, ожидал своих гостей у входа и приветствовал их с тем оживлением, которое ясно говорило о его нетерпении продемонстрировать свою загадочную покупку.

- Дорогие соседи! - воскликнул он. - Я чрезвычайно рад, что вы смогли прийти.

Он проводил их не в дом, а сразу в сад. Сад Карстэrsa был просторным и ухоженным. На лужайке уже были расставлены небольшие круглые столики, покрытые светлыми скатертями. На них стояли графины с лимонадом, бокалы, тарелки с легкими закусками и фруктами. Несколько гостей, прибывших раньше, уже расположились там и оживленно беседовали. Однако главное внимание сразу привлекало другое.

В самом центре сада стоял мольберт. На нем было установлено нечто большое, тщательно скрытое под тяжелой темной тканью. Ткань спадала почти до самой травы, полностью скрывая содержимое. И при виде этой загадочной конструкции в глазах гостей одновременно вспыхнули любопытство и легкое нетерпение.

Глава 6

Мистер Карстэрс, заметив, что внимание гостей окончательно сосредоточилось на загадочном предмете в центре лужайки, потер руки с тем довольным выражением, которое не оставляло сомнений: момент, которого он ожидал со вчерашнего дня, наконец настал.

- Дамы и господа, - объявил он, становясь рядом с мольбертом, - позвольте представить вам мое скромное приобретение.

С этими словами он взялся за край тяжелой ткани и одним торжественным движением снял ее.

Перед собравшимися открылась картина весьма крупного размера.

На ней был изображен всадник - высокий мужчина на темной лошади, остановившейся у тихого лесного озера. Деревья склонялись над водой, их густая листва отбрасывала прохладную тень. Сам всадник сидел в седле немного наклонившись вперед, словно только что заметил нечто в воде. И в самом озере, среди темных отражений ветвей, по плечи виднелась светловолосая девушка. Лишь ее голова и часть плеч поднимались над поверхностью, так что было совершенно очевидно, что она находится там без всякого намерения быть замеченной. Ее взгляд был направлен прямо на всадника.

Некоторое мгновение в саду стояла тишина, затем мужчины почти одновременно разразились одобрительным смехом.

- Ха! Вот это находка! - произнес один из соседей.

- Признаться, весьма живописно, - добавил другой. - И с определенным... сюжетом.

Совсем иначе отреагировали дамы. Миссис Картер первой прижала ладонь к груди.

- О Боже... - прошептала она.

Миссис Толквуд решительно отвернулась.

- Это, право же, чрезвычайно... неподобающе.

- Я бы сказала, совершенно бесстыдно, - добавила другая дама, заметно покраснев.

- Срам и невежество! — тихо, но с большим чувством произнесла миссис Лэнгли.

Мистер Карстэрс, однако, смотрел на свое приобретение с тем же восхищением, какое испытывает человек, обнаруживший редкую монету или старинный манускрипт.

- Дорогие дамы, - сказал он с некоторой обидой, - прошу вас не судить столь поспешно. Перед вами произведение весьма известного художника.

- Известного? - переспросила миссис Толквуд.

- Совершенно верно! И, если вы потрудитесь взглянуть в нижний угол...

Несколько гостей наклонились ближе. В правом нижнем углу действительно виднелась подпись. Это произвело некоторое впечатление, хотя и не изменило общего настроения дам.

- Даже если художник известен, - заметила миссис Картер, - это еще не делает предмет достойным демонстрации в приличном обществе.

- А меня больше интересует другое, - сказал мистер Уилкоккс, щурясь на полотно. - Если картина столь ценна, каким образом она оказалась у цыган?

Этот вопрос вызвал заметное оживление.

- Совершенно справедливо!

- Да, именно!

- Вот это-то и подозрительно.

- Я, например, - сказал один из соседей, - склонен думать, что ее попросту украли.

Несколько человек сразу же согласились. Мистер Карстэрс слегка покраснел.

- Господа, - произнес он несколько резче, чем прежде, - должен заметить, что подобные рассуждения меня мало касаются. Я приобрел вещь за вполне честную цену.

- Возможно, - осторожно сказал мистер Фэшенворт, - однако я однажды слышал, что цыгане имеют странную привычку... возвращать себе проданное.

- Иными словами, воровать обратно, - добавил кто-то.

- На вашем месте, Карстэрс, - продолжил тот же голос с дружеской серьезностью, - я бы удвоил охрану дома.

Теперь мистер Карстэрс покраснел уже заметно сильнее.

- Уверяю вас, - сказал он быстро, - в этом нет никакой необходимости. Мой дом вполне надежно защищен.

Тем временем гости уже почти полностью окружили мольберт. Картина рассматривалась со всех сторон, и мнения звучали одно за другим.

- Замечательная работа с тенью.

- Лошадь написана превосходно.

- Девица выглядит... слишком довольной своим положением.

- Совершенно недопустимо, - снова сказала миссис Толквуд.

Диана некоторое время молчала, внимательно глядя на полотно. Затем произнесла спокойно:

- Мне кажется, художник стремился изобразить скорее неловкость момента, чем что-либо иное. Всадник выглядит скорее удивленным, чем дерзким.

- Напротив! - немедленно возразила Франческа Лэнгли, которая никогда не упускала случая вступить с Дианой в спор. - Его выражение совершенно ясно говорит о намерении продолжить наблюдение.

- Это лишь ваше предположение, - с улыбкой заметила Диана.

- Но весьма правдоподобное!

- Не более правдоподобное, чем любое другое.

- Я уверена, что художник имел в виду именно это.

- А я полагаю, что художник рассчитывал именно на такие споры.

Их дискуссия, которая явно могла продолжаться еще некоторое время, была внезапно прервана.

Миссис Фэшенворт, до этого стоявшая чуть в стороне, подняла руку к виску.

- Простите... - сказала она.

Все обернулись.

- Боюсь, - продолжила она несколько слабым голосом, - у меня вдруг закружилась голова...

В приличном обществе нет события столь малого, чтобы оно не вызвало некоторого движения, и нет недомогания столь легкого, чтобы вокруг него немедленно не образовался кружок заботы, советов и предположений.

Едва миссис Фэшенворт произнесла свои слова, как вся прежняя оживленная дискуссия о намерениях художника уступила место куда более насущному предмету. Несколько дам тотчас же приблизились к ней. Одна предложила свой флакон с нюхательной солью, другая – прилечь возле столика, а третья уже с тревогой спрашивала, не следует ли немедленно послать за врачом.

- Мой экипаж стоит у ворот, - поспешно объявила миссис Толквуд, зная, что Фэшенворты пришли пешком. - Он в полном вашем распоряжении.

- А я уверена, что в подобных случаях лучше всего действует свежий воздух, - заметила мисс Лэнгли, хотя никто не мог припомнить, чтобы она когда-либо имела дело с подобными случаями.

Кто-то предложил немедленно послать за доктором, кто-то - проводить миссис Фэшенворт домой, а деятельный мистер Фэшенворт, который заволновался за свою супругу и стал бегать вокруг нее вместе с Дианой, уже был готов распорядиться и тем и другим сразу.

Однако сама виновница переполоха оказалась гораздо спокойнее всех окружающих.

- Право, прошу вас не тревожиться, - сказала миссис Фэшенворт, слегка улынувшись, хотя голос ее и оставался несколько слабым. - Это всего лишь минутная слабость. До нашего дома совсем недалеко. Дайте мне немного воздуха, и все пройдет.

Мистер Фэшенворт, человек благоразумный и склонный полагать, что большинство неприятностей можно предотвратить предусмотрительностью, тотчас же выразил сомнение в разумности такого решения.

- Моя дорогая, - произнес он с серьезностью, - раз уж вам стало дурно, нет никакой необходимости демонстрировать стойкость. Экипаж миссис Толквуд стоит здесь же.

- Благодарю вас, но я совершенно уверена, что смогу дойти, - ответила его супруга с той спокойной твердостью, которая была хорошо известна всей семье.

Диана, привыкшая к подобным проявлениям материнского характера, уже знала, что дальнейшие уговоры вряд ли окажутся плодотворными, однако долг дочери требовал хотя бы попытаться.

- Мама, - мягко сказала она, - возможно, папа прав. Короткая поездка избавит вас от лишнего усилия.

- Совсем наоборот, дитя мое. Доктор Лаунтэн настоятельно советовал мне совершать ежедневные прогулки.

- Доктор Лаунтэн, - возразил мистер Фэшенворт, - говорил о прогулках не более чем в полмили.

- И наш дом как раз примерно на таком расстоянии, - заметила миссис Фэшенворт.

- Позволю себе усомниться в точности этого расчета.

Тем не менее решение было принято, и вскоре семейство покинуло дом, сопровождаемое многочисленными пожеланиями скорейшего благополучия и обещаниями навестить миссис Фэшенворт на следующий день.

Первые минуты пути, к счастью, прошли весьма благополучно. Свежий воздух оказался прохладным и освежающим, и Диане даже показалось, что румянец немного вернулся на щеки матери.

- Видите, - сказала миссис Фэшенворт с некоторым удовлетворением, - я же говорила, что мне станет лучше.

- Это пока, - заметил мистер Фэшенворт, который не любил признавать поспешность собственных опасений, но еще меньше любил, когда его предостережения оказывались напрасными.

- Вы всегда склонны преувеличивать мои слабости.

- А вы, моя дорогая, столь же неизменно склонны их игнорировать.

Диана, шедшая между ними, чувствовала, что разговор начинает принимать тот оттенок семейной перепалки, который, хотя и не был особенно бурным, мог продолжаться весьма долго. Ее отец уже собирался привести дополнительные доводы относительно расстояния, состояния здоровья и неразумности излишней решимости, а ее мать, по всей видимости, была готова столь же последовательно их опровергать.

Но спор этот не успел достигнуть своего естественного развития.

Сделав еще несколько шагов, миссис Фэшенворт внезапно остановилась и крепче взялась за руку дочери.

- Подожди... - тихо произнесла она.

Диана мгновенно обернулась. Лицо ее матери снова побледнело.

- Мне кажется... - начала миссис Фэшенворт, стараясь говорить спокойно, - что голова у меня опять... немного кружится.

Она едва успела договорить эти слова, как была вынуждена остановиться окончательно.

Глава 7

Едва мистер Фэшенворт заметил перемену в лице супруги, как вся его прежняя уверенность исчезла. Он побледнел столь же заметно, как и она сама, и поспешил поддержать ее за руку.

- Боже мой, дорогая! - воскликнул он. - Я же говорил, что эта прогулка - безрассудство.

Они уже прошли добрую половину пути, и теперь, оказавшись посреди тихой тропинки возле луга, где дома стояли на почтительном расстоянии друг от друга, положение казалось особенно неприятным.

Диана, увидев состояние матери, почувствовала, как тревога холодком пробежала по ее сердцу. Еще несколько минут назад ей казалось, что свежий воздух действительно помог, но теперь это утешительное предположение выглядело не более чем преждевременной надеждой.

- Мама, вам нужно присесть, - сказала она, оглядываясь вокруг, будто надеялась найти поблизости скамью или хотя бы низкую ограду.

- Нет... нет... — тихо ответила миссис Фэшенворт. - Я просто немного остановлюсь.

Но мистер Фэшенворт уже пришел к решению.

- Это совершенно невозможно оставить без внимания. Необходимо немедленно послать за доктором.

Он повернулся к дочери с той решительностью, которая появлялась у него всякий раз, когда дело касалось семейного благополучия.

- Диана, ступай сейчас же к мистеру Лаунтэну. Его дом недалеко. Приведи его немедленно.

Диана уже собиралась согласиться, но миссис Фэшенворт неожиданно проявила больше энергии, чем можно было ожидать в ее положении.

- Нет! - произнесла она довольно резко.

Оба удивленно посмотрели на нее.

- Я не желаю, чтобы Диана шла одна.

- Но, моя дорогая, - начал мистер Фэшенворт, - речь идет всего лишь о нескольких минутах пути.

- Вы забываете, - тихо, но настойчиво сказала она, - о тех цыганах.

При этих словах Диана невольно вспомнила недавние разговоры о людях, которые могли еще бродить неподалеку от дома мистера Карстэrsa - тех самых, что, по слухам, желали вернуть себе картину, ставшую предметом столь оживленного обсуждения.

- Они могли все еще оставаться где-нибудь поблизости, - продолжала миссис Фэшенворт.

- Я не позволю Диане идти одной.

Мистер Фэшенворт нетерпеливо провел рукой по лбу. С одной стороны, он считал подобные опасения чрезмерными, с другой - не мог не признать, что его дочь действительно не должна была бродить одна, без сопровождения.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Тогда поступим иначе.

Он взглянул на дорогу, ведущую к их дому.

- Вы с Дианой немедленно отправляйтесь домой. А я побегу за доктором Лаунтэном.

- Я вполне способна дойти, - сказала миссис Фэшенворт, стараясь говорить уверенно, хотя голос ее все еще звучал слабее обычного. - Тем более я не возражаю против визита врача.

- Превосходно. Тогда решено.

Не теряя больше ни минуты, мистер Фэшенворт сжал руку жены, коротко кивнул дочери и почти бегом направился в сторону дома доктора.

Диана некоторое время смотрела ему вслед, пока его фигура не скрылась за поворотом. Затем она осторожно взяла мать под руку.

- Пойдемте, мама. До дома осталось совсем немного.

Сначала все шло относительно благополучно. Они двигались медленно, но ровно. Однако вскоре Диана заметила, что шаги матери становятся все более осторожными.

- Вы устали? - тихо спросила она.

- Немного... - ответила миссис Фэшенворт, и пришлось остановиться.

Затем они прошли еще несколько шагов, и снова остановились. Каждая следующая пауза становилась чуть длиннее предыдущей. Рука матери на руке Дианы постепенно тяжелела.

Дом уже виднелся впереди, осталось всего несколько десятков ярдов.

- Еще чуть-чуть, мама, - сказала Диана, стараясь придать голосу спокойствие.

Но в этот момент миссис Фэшенворт внезапно остановилась окончательно. Ее пальцы крепко сжали руку дочери.

- Диана... - едва слышно произнесла она.

И прежде чем та успела что-либо сказать или сделать, миссис Фэшенворт покачнулась, в следующую секунду ее голова бессильно склонилась набок и она потеряла сознание.

Именно в этот момент Диана испытала самый настоящий испуг. До сих пор тревога ее была скорее беспокойством рассудка, чем подлинным страхом, но теперь, когда тело матери вдруг обмякло в ее руках, она поняла, насколько беспомощным может оказаться человек перед неожиданностью.

Миссис Фэшенворт, потеряв сознание, почти повалилась вперед. Диана едва успела подхватить ее и, напрягая все силы, удержала от падения. Однако удерживать ее долго было делом нелегким: тело матери казалось непривычно тяжелым, а собственные силы Дианы, при всей ее решительности, были далеко не безграничны.

- Мама... - тихо произнесла она, хотя прекрасно понимала, что ответа не последует.

Диана осторожно опустила мать на землю, стараясь устроить ее как можно удобнее, но мысли в голове теперь метались в растерянности.

Что делать дальше? Бежать домой? Но тогда миссис Фэшенворт придется оставить здесь одну, а это казалось недопустимым. Остаться рядом? Но помощь может понадобиться немедленно.

Впервые за долгое время Диана оказалась в положении, когда ее рассудительность не подсказывала ясного решения.

И именно в этот момент судьба, которая нередко проявляет удивительное чувство своевременности, представила ей неожиданную возможность.

По главной дороге, проходившей неподалеку, на достаточном расстоянии от них, скакал всадник.

Сначала Диана заметила лишь движение - силуэт лошади, но в следующую секунду надежда вспыхнула в ней с такой силой, что она уже не могла медлить. Она вскочила и побежала к дороге, насколько позволяли обстоятельства, размахивая руками.

- Сэр! - крикнула она. - Пожалуйста! Помогите!

Всадник мгновенно натянул поводья. Лошадь остановилась почти на месте, и спустя мгновение он развернул ее и направил уже к Диане.

Однако едва это произошло, как в голове девушки мелькнула новая мысль. А что если это вовсе не благородный прохожий? Если это разбойник? Ей вдруг показалось, что она могла совершить величайшую ошибку.

Когда всадник стал приближаться, ее сомнения не только не рассеялись, но, напротив, усилились. Человек этот был ей совершенно неизвестен. Она никогда прежде не видела его ни в городе, ни среди знакомых ее семьи.

Лишь когда он оказался ближе, Диана смогла рассмотреть его как следует.

Это был мужчина примерно тридцати лет, высокого роста и прекрасно сложенный. Его осанка и манера держаться говорили о привычке к уверенности и свободе движения. Одет он

был безупречно, по последней моде и с той легкой небрежностью, которая обычно сопровождает дорогой вкус. Темное пальто сидело на нем безукоризненно, а сапоги и перчатки выдавали человека, привыкшего к хорошему обществу.

Но более всего внимание привлекало его лицо - правильные, почти аристократические черты, ясный взгляд и выражение спокойной собранности, которое редко встречается у людей, не привыкших принимать решения быстро.

Подъехав к ней, он без малейшего колебания остановился, а затем с поразительной легкостью и грацией спрыгнул с лошади.

- Мисс, - сказал он, слегка поклонившись, - я услышал ваши крики, вам нужна помощь?

Голос его был спокойным и вежливым, и именно эта простота окончательно развеяла последние опасения Дианы.

- Моя мать... - быстро сказала она, указывая в сторону дороги. - Мы были на прогулке. Ей стало плохо... и она потеряла сознание.

Незнакомец не задал больше ни одного лишнего вопроса. Он лишь кивнул и направился туда, куда указала Диана.

Увидев лежащую на земле миссис Фэшенворт, он без малейшего колебания наклонился и поднял ее на руки с такой легкостью, будто она вовсе ничего не весила.

- Ваш дом далеко? - спросил он.

- Совсем нет, - поспешно ответила Диана. - Он уже почти рядом, я провожу.

Мужчина оглянулся на свою лошадь, которая терпеливо стояла в стороне, и на мгновение на его лице появилось выражение сомнения. Очевидно, он пытался решить, как поступить и Диана быстро поняла причину его колебания.

- Я поведу лошадь, - сказала она, уже направляясь к животному. - Просто передайте мне поводья.

Он взглянул на нее с некоторым удивлением.

- Вы уверены, что справитесь? Лошадь может быть беспокойной.

Диана уже взяла повод. Она бросила на незнакомца короткий, почти холодный взгляд.

- Поверьте, сэр, - сказала она, - лошади страха мне не внушают.

И в ее голосе прозвучала такая уверенность, что у мужчины не осталось ни малейших оснований сомневаться.

Глава 8

Незнакомец без дальнейших расспросов направился в ту сторону, куда указала Диана. Он шел быстрым, но уверенным шагом, не выказывая ни малейшего напряжения несмотря на то, что нес на руках миссис Фэшенворт.

Диана поспешила вперед, чтобы указать дорогу, но вскоре уже шла следом за ним, ведя лошадь за поводья. Животное оказалось спокойным и послушным, и потому задача эта не представляла для нее особой трудности.

Все это время мужчина не произнес ни слова. Молчание его, однако, не казалось неловким. Напротив, в нем было нечто весьма уместное: он словно считал разговор излишним там, где требовалось прежде всего действовать.

Таким образом через несколько минут они достигли дома Фэшенвортов.

Едва они показались во дворе, как один из слуг, заметив необычную сцену, поспешил навстречу. За ним почти тотчас же появились и остальные. Вид своей хозяйки, находящейся без сознания и на руках у незнакомого джентльмена, произвел среди них настоящий переполох.

- Миссис Фэшенворт! - вскричала горничная.

- Что случилось? - воскликнул дворецкий.

- Позвольте, мы возьмем госпожу! - предложил один из лакеев, поспешно протягивая руки.

Однако незнакомец мягко, но решительно покачал головой.

- Благодарю вас, - сказал он спокойным тоном, - но, если позволите, проводите меня в гостиную. Я уложу миссис на диван.

В его голосе была такая уверенность, что никто не стал возражать. Диана тем временем успела передать поводья одному из слуг.

- Все в порядке, - сказала она, стараясь говорить спокойно, хотя сердце ее все еще билось быстро. - Папа отправился за доктором. Он должен скоро вернуться.

Слуги, немного успокоившись, поспешили выполнить распоряжение. Незнакомца провели в гостиную. Он осторожно опустил миссис Фэшенворт на диван, устроив ее как можно удобнее. Диана стояла рядом, тревожно наблюдая за лицом матери, которое все еще оставалось бледным. И в этот самый момент снаружи послышался стук копыт, и почти сразу за ним - скрип колес и резкий звук остановившегося экипажа.

- Это папа! - выдохнула Диана.

Дверь распахнулась, и в комнату поспешно вошел мистер Фэшенворт, за которым следовал доктор. Мистер Лаунтэн, человек среднего возраста с живыми глазами и привычкой действовать быстро, не теряя ни секунды, направился прямо к дивану.

- Так-так, посмотрим... - пробормотал он, уже доставая из кармана флакон.

Он осторожно приподнял голову миссис Фэшенворт, поднес к ее носу нюхательную соль и начал внимательно наблюдать за ее состоянием. Несколько мгновений все присутствующие молчали. Затем веки миссис Фэшенворт дрогнули. Она тихо вздохнула и открыла глаза.

- Где... я? - прошептала она.

- Дома, моя дорогая, - поспешно ответил мистер Фэшенворт, с явным облегчением сжимая ее руку.

Доктор тем временем продолжал осмотр, задавая короткие вопросы и наблюдая за ее реакцией. Вся эта сцена происходила в то время, как незнакомец стоял немного в стороне, у камина. Он не вмешивался, но внимательно следил за происходящим, сохраняя спокойное и сдержанное выражение лица.

Диана, заметив, что матери стало лучше и доктор явно не встревожен серьезно, наконец вспомнила о человеке, благодаря которому все это стало возможным. Она тихо подошла к отцу.

- Папа, - сказала она, - этот джентльмен помог нам.

И затем коротко рассказала, как встретила его на дороге и как он донес ее мать до дома.

Мистер Фэшенворт, человек, считающий благодарностью одной из важнейших добродетелей, немедленно повернулся к незнакомцу, которого до этого самого момента в суматохе и не заметил.

- Сэр, - сказал он, делая шаг вперед, - позвольте прежде всего представиться. Я мистер Фэшенворт. - Он слегка поклонился. - И позвольте узнать, кому именно я обязан столь своевременной помощью моей супруге и дочери.

Незнакомец ответил таким же вежливым поклоном.

- Право, вы приписываете мне слишком много, - сказал он спокойно. - Никакого геройства здесь не было. Уверен, на моем месте любой поступил бы так же.

- Тем не менее, - заметил мистер Фэшенворт, - я был бы весьма признателен, если бы знал имя джентльмена, которому обязан столь важной услугой.

На губах незнакомца появилась легкая, почти незаметная улыбка.

- Конечно, мое имя - Даррен Рандольф.

- Мистер Рандольф? - воскликнула миссис Фэшенворт с живостью, которая, казалось, совершенно опровергала недавнее ее бессилие. Она даже приподнялась на диване и устремила на незнакомца взгляд, исполненный самого деятельного любопытства. - О, мы весьма о вас наслышаны! Ваша тетушка, миссис Мэдисон, столько о вас рассказывала - разумеется, только хорошее.

При этих словах на лице мистера Рандольфа отразилось выражение учтивого смущения, не лишенного приятности.

- Боюсь, миссис Фэшенворт, - ответил он с легким поклоном, - что привязанность тетушки заставляет ее смотреть на меня слишком снисходительно. Родственные чувства, как известно, чрезвычайно склонны к преувеличениям, и если она говорила о моих достоинствах, то вы, вероятно, слышали о них гораздо больше, нежели они того заслуживают.

Ответ этот был произнесен с такою спокойною простотой, что Диана, и без того уже расположенная к мистеру Рандольфу за его своевременную помощь и сдержанность, ощутила к нему еще более благоприятное чувство. Она не могла не заметить, что человек столь приятной наружности и столь счастливого сложения вполне мог бы, при желании, говорить и держаться с гораздо большей самоуверенностью. Между тем в нем не было ни малейшего следа того рода тщеславия, которое так часто встречается у мужчин, слишком рано узнавших цену своему наружному преимуществу. Эта черта, будучи редкой, особенно понравилась Диане.

Мистер Рандольф, однако, не стал продлевать разговор, как сделал бы на его месте иной джентльмен, менее склонный к деликатности и более - к приятному сознанию, что его присутствие уже замечено и оценено.

- Я искренне рад, - сказал он, обращаясь преимущественно к миссис Фэшенворт, - видеть, что вы уже значительно лучше себя чувствуете. И если более ничто не требует моего присутствия, позвольте мне теперь откланяться.

- Сэр, - отвечала миссис Фэшенворт с самым любезным видом, - мы чрезвычайно вам обязаны. Я надеюсь, вы позволите нам в более спокойное время выразить нашу признательность надлежащим образом. Диана, дитя мое, проводи мистера Рандольфа.

При этих словах мистер Рандольф, казалось, на едва заметное мгновение запнулся. Его взгляд быстро обратился к Диане, затем к двери, как если бы он одновременно был тронут вниманием и слегка поставлен им в затруднение. Но это замешательство продолжалось не более секунды: на губах его тотчас же вновь появилась та спокойная, почти насмешливо-мягкая улыбка, которая так шла к его лицу.

- Вы очень добры, миссис Фэшенворт, - сказал он, - однако я прекрасно запомнил дорогу и решительно не нуждаюсь в сопровождении. После того как мне уже довелось иметь честь

быть столь полезным, было бы почти неблагоприятно злоупотреблять гостеприимством дома еще и таким образом.

Слова эти были сказаны столь приятно, что отказ его не мог никого задеть. Он вновь поклонился мистеру Фэшенворту, затем миссис Фэшенворт, и, с должным почтением попрощавшись с Дианой, направился к выходу.

Диана не последовала за ним, как того требовало материнское распоряжение, но, движимая любопытством, которое при подобных обстоятельствах едва ли можно было бы счесть неуместным, подошла к окну. Оттуда она увидела, как мистер Рандольф принял от слуги поводья своей лошади, легко и с удивительной ловкостью вскочил в седло и, слегка тронув повод, вывел коня со двора. Во всей его фигуре, осанке и движениях было столько уверенности без показной важности, что Диана еще некоторое время продолжала смотреть ему вслед, пока он не скрылся из виду за поворотом дороги.

Лишь после этого она отвернулась от окна и, возвратившись к дивану, сказала с некоторым колебанием, но все же достаточно прямо:

- Мама, мне кажется, с вашей стороны было несколько... навязчиво предлагать, чтобы я проводила мистера Рандольфа. Не забывайте в каком он положении, наверняка многие семьи стремятся с ним породниться и он уже устал от этого внимания. Тем более, мы ничего о нем не знаем. Может быть, дома его ждет дама сердца, или... невеста.

Мистер Фэшенворт счел невозможным уклониться от истины и согласился с выводами дочери.

- Гм, - произнес он, прочистив горло, - быть может, в этом действительно была некоторая поспешность.

- О, полноте, - возразила миссис Фэшенворт, махнув рукой. - В моем состоянии простиительно совершить небольшую оплошность. К тому же все это было сказано из самых лучших побуждений. И вообще, если джентльмен так решительно отказался, значит, он вовсе не счел себя оскорбленным.

Сказав это, она на мгновение задумалась; затем в ее глазах вспыхнуло то выражение оживления, которое домашние хорошо знали и которое всегда предвещало намерение немедленно сообщить кому-либо новость.

- Диана, - сказала она уже совсем иным тоном, - будь добра, принеси письменные принадлежности. Мне необходимо тотчас же написать миссис Лэнгли. Такие известия невозможно долго держать при себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.